

УДК 7.01
ББК 87.82
DOI 10.25281/2072-3156-2020-17-5-452-461

А.А. ОГАНОВ

ФИЛОСОФСКО- ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НА ФЕНОМЕН ПАНДЕМИИ*

Ежели чума ныне коснулась вас, значит, пришло время задуматься.

А. Камю. Чума

Арнольд Арамович Оганов,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
философский факультет,
кафедра эстетики,
профессор
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4,
Москва 119991, Россия
Высшее театральное училище (институт)
им. М.С. Щепкина,
кафедра философии и культурологии,
заведующий
Неглинная ул., д. 6, Москва, 109012, Россия
доктор философских наук
ORCID 0000-0002-6385-2222; SPIN 3685-3796
E-mail: ikh2006@yandex.ru

Реферат. Проблематика статьи рассматривается в социокультурном контексте. Феномен пандемии — метафора, производная от пандемии инфекционных заболеваний. Последняя —

не более чем модель, проецируемая на различные социальные пороки. Именно в этом качестве (а не в вирусно-инфекционном) она использована в статье. Понятие пандемии получает расширительное толкование как универсальная разновидность повального омащования угрожающего свойства. Ей сопутствуют страх, агрессия, идеологические заблуждения, экономические, демографические катастрофы. Подобно вирусной пандемии, ее ассоциативные аналоги с непредсказуемой регулярностью повторялись в человеческой истории. Уже сегодня можно допустить, что непредвиденные последствия информационно-коммуникативных технологий в эпоху цифровизации несут в себе признаки грядущих пандемий. Пандемия инфек-

* Статья подготовлена по материалам онлайн-лекции на тему: «Философско-эстетическая рефлексия над феноменом пандемии», прочитанной 26 июля 2020 г. в рамках масштабного интернет-проекта философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Философия хрупкого мира» (март — сентябрь 2020 г.) (<https://www.youtube.com/watch?v=WuO6zy0YcEU>).

ционных заболеваний служит матричной моделью для характеристики инвариантной версии других разнородных пандемий. Теоретические суждения строятся на материале известных философских и культурологических источников (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Бахтин, Л. Выготский. С. Аверинцев, Р. Жирар и др.) и истории искусства, его видовых и жанровых разновидностей.

Особое внимание уделяется произведениям искусства, амбивалентный смысл которых намеренно задан их авторами. Существенная роль отводится подтексту излагаемого материала, значимость которого обусловлена целью реализовать основную смысловую интенцию статьи. В статье предпринята попытка обосновать адекватность культуры постмодернизма современной картине мира, весьма неоднозначным цивилизационным переменам. Проявления постмодернизма в качестве одновременно симптома и пересмешника абсурдизма человеческого бытия прослеживаются на материале обширной художественной практики. В заключительной части статьи прогнозируется ряд возможных постпандемических перемен в различных областях общественной жизни.

Ключевые слова: культура, познание, рефлексия, художественная культура, пандемия, микроб, аллюзии, абсурд, заблуждение, жертвоприношение, катарсис, искусство, постмодернизм.

Для цитирования: Оганов А.А. Философско-эстетическая рефлексия на феномен пандемии // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17, № 5. С. 452–461. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-5-452-461.

Прошел слух, будто дьявол встретился с Богом и с ехидцей сказал ему, что наконец-то закрыл все его храмы. На что Бог ухмыльнулся, в ответ сказав, что поселился в домах своей паствы. Однако в тесноте квартирных метров такое соседство пастве особого облегчения не принесло. Тем временем дьявол позакрывал все, что было и за порогом храма.

При пособничестве летучих мышей он напустил на мирян коварных микробов. Граждане самоизолировались. Впрямь по А.С. Пушкину: «Как от проказницы Зимы / Запремся также от Чумы!» [1]. Наступило вынужденное коллективное уединение и безмолвное единодушие, «форма неодиначества» [2]. Появилась масса свободного времени в несвободных условиях изоляции. Опустела улица. Небо поглубело. Воздух и вода обрели чистоту и прозрачность. На землю опустилась пандемия.

Разновидности пандемии (от греч. *pandemos* — всенародный) довольно многообразны и известны не только медицине. Феномен пандемии — метафора, производная от пандемии инфекционных заболеваний. Последняя — не более чем модель, проецируемая на различные социальные пороки. Именно в этом качестве (а не в вирусно-инфекционном) она используется в статье. Пандемии весьма своеобразно проявляются в различных формах повального омассовления в сфере социально-психологической, идеолого-пропагандистской, информационно-коммуникационной, политической, демографической, экологической, потребительской... Как правило, им сопутствуют панические настроения, страх, агрессия, заблуждения... Для них не характерны никакие национальные, расовые, пространственные и временные различия. Если бы была наука «пандемиология», ей нашлось бы вполне приемлемое приложение и предмет изучения.

Весьма распространенной разновидностью пандемии является идеологическая, особенно агрессивные ее формы. Об этом написал в своей пьесе «Носорог» французский драматург Э. Ионеско. Известный представитель театра абсурда повествует, как на улицах города один за другим стали появляться носороги. Вскоре, к ужасу горожан, сами они стали превращаться в носорогов: «...полы ходят ходуном из-за топота жильцов-носорогов» [3]. По версии одного из первых режиссеров-постановщиков пьесы, Ионеско внял его просьбе и оставил главного персонажа — Беранже в естественной человеческой ипостаси. Так, казалось бы, возможна утешающая надежда на неизбежность происшедшего.

Тем не менее мы знаем, когда пандемия «оносораживания» охватила страну и на-

род, давший миру плеяду великих философов, музыкантов, писателей... Впрочем, ставший метафорой феномен «оносораживания» многократно проявлялся в историческом опыте человечества. Возникает слепая агрессивная толпа, становится возможным геноцид, Холокост, Освенцим... Тема смертоносного нашествия с потрясающей силой отражена в Седьмой «Ленинградской» симфонии Д. Шостаковича.

Нередко люди, будучи подвергнуты ложным доктринам и призывам, становятся жертвой идеологически окрашенных искушений. Об этом знаменитое стихотворение «Бараний марш» Б. Брехта [4] — пародия на нацистский гимн:

*Шагают бараны в ряд,
Бьют барабаны, —
Кожу для них дают
Сами бараны.
Мясник зовет. За ним бараны сдуру
Топочут слепо, за звоном звено,
И те, с кого давно на бойне сняли шкуру,
Идут в строю с живыми заодно.
Они поднимают вверх
Ладони к свету,
Хоть руки уже в крови, —
Добычи нету.*

И снова повторяется: «Мясник зовет. За ним бараны сдуру...». Похоже, стадное чувство может быть притягательно. Подтверждение тому есть и в «Носороге»: «Они, в сущности, вовсе не злые. У них даже есть какое-то природное простодушие, чистота»; Ботар, став носорогом, сказал, что «нужно идти в ногу со временем»; встревоженный Беранже говорит, что он постарается «разыскать Логику», который сумеет объяснить природу этого безумия [3]. Но выясняется, что Логик уже превратился в зверя — его можно узнать по шляпе-канотье, проткнутой рогом.

Быть в стаде соблазнительно, ибо обретаешь иллюзорно-спасительный стадный иммунитет. Но бывает, как у кроликов из философско-сатирической сказки Ф. Искандера [5]. Кролики не знали, что такое гипноз, и становились легкой добычей удава. Но тайна гипноза раскрыта, и тогда удавы поменяли свою тактику — они стали душить кроликов. В результа-

те кардинально ничего не изменилось, только кролики и удавы горюют по тем временам, когда одним не так мучительно было умирать, а другим было легче охотиться. Такова сила гипноза и последствия заблуждений.

Таков итог безрассудно-повального омассовления и искушения. Их стойкость и повторяемость многократно подтверждались. Они не истребимы, как и болезнетворные микробы, эти незримые властители, миллиарды лет существующие на Земле. Они не поддаются вакцинации, их поведение метафизично и запредельно. Задолго до человека они глобализировали землю, но у них нет цели уничтожить человека. В наши дни они просто продолжают свою видовую жизнь.

Разыгравшуюся драму часто называют «Пляской смерти» по одноименным живописным произведениям М. Вольгемута (1493), Г. Гольбейна Младшего (1526). Под таким же названием известны пьесы шведа А. Стринберга (1900), немца Ф. Ведекинда (1905), книга американца С. Кинга (1981), немой художественный фильм А. Волкова. «Пляска смерти» — симфоническая поэма К. Сен-Санса (1874). «Триумф смерти» — сюжет, встречающийся у Б. Буффальмакко (1355), Б. Нотке (1446), П. Брейгеля Старшего (1562). Тот же мотив несут в себе множество фрагментов на сводах готических храмов, часовен, могильных плит. Повсюду неистовая пляска разгулявшихся скелетов, мутанты людей и животных, следы разрушений. Смерть правит тризну над человеческими пороками. Во всем вакханалия, шутовство, ирония и насмешка.

На контрасте с этим знаменитая «Пьета» (1575–1576) Тициана — трагический сюжет и последняя картина венецианского художника, вслед за сыном ушедшего из жизни от чумы; предсмертное произведение австрийского экспрессиониста Э. Шилле «Семья» (1918), скончавшегося от «испанки». Тремя днями позднее от того же гриппа умерла его беременная жена. Э. Мунк, крайне изможденный после тяжелой болезни, пишет свой «Автопортрет после испанского гриппа» (1919). От этой же болезни в 25 лет скончалась в 1919 г. в Одессе легендарная русская актриса немого кино Вера Холодная. Об опустевшем от «испанки» Киеве пишет М. Булгаков.

Так уж сложилось, что в истории массовые инфекционные заболевания обрели обобщенное понятие чумы. Ее смертоносные последствия запечатлены с древнейших времен. В 430 г. до н. э. в Древней Греции распространилась загадочная болезнь, унесшая жизни почти трети населения. От чумы умирает Перикл во время Пелопонесской войны. В 1347 г. в Кафе (ныне — Феодосия) в этно-конфессиональной войне между золотоордынским ханом Джанибеком и итальянцами татары использовали тела своих воинов, умерших от чумы, в качестве снарядов осадных орудий и забросали ими город. Разбежавшиеся на кораблях жители разнесли заразу по всей Италии, и оттуда она распространилась по всей Европе. Произшедшая страшная трагедия вошла в историю под именем «Черная смерть». А началось все это с пустячной бытовой ссоры между мусульманским купцом и генуэзским торговцем.

Пандемия нашла отражение в истории искусства и философии. Чумная эпидемия получила отражение в эпосе Гомера, поэзии Лукреция, баснях Лафонтена, в хронике Д. Дефо, романе А. Камю, комментариях к нему Ж.-П. Сартра. Отразилась она и в одном из сюжетов «Декамерона» (1352–1354) Дж. Боккаччо, а сам он теряет от чумы отца и дочь. Х. Рембрандт пишет «Портрет Хендрикье Стоффельс» (1654), своей возлюбленной, ставшей жертвой бубонной чумы.

Характерно, что картина описания этого недуга, как правило, не является самоцелью. Часто ее восприятие вызывает аллюзии, отсылающие к социокультурным и общественно-политическим кризисам и катастрофам. В повести Дж. Лондона «Алая чума» — это крушение цивилизации и нашествие дикарей; в пьесе А. Арто «Театр и чума» — разложение театра и культуры; о духовном заболевании и оскудении человеческого достоинства на фоне постигшей Венецию холеры — рассказ Т. Манна «Смерть в Венеции» и его экранизация Л. Висконти; об экологической пандемии — роман Дж. Кристофера «Смерть травы», где вирус поражает растения и вызывает нищету и голод.

За острой сюжетной канвой этих произведений считывается мысль об абсурдизме человеческого бытия, бессмысленности поисков его

причин и обнадеживающих перемен. В «Чуме» А. Камю, этой глубоко философской притче, предостерегающе звучит фраза о том, что «микроб чумы никогда не умирает, никогда не исчезает... придет на горе и в поучение людям такой день, когда чума пробудит крыс...» [6]. Д. Дефо, напротив, в своем «Дневнике чумного года» с некоторой надеждой пишет: «Еще один чумной год всех нас примирил бы; близкое соседство смерти или болезни, угрожающей смертью, выгнуло всю присущую нам желчность, покончило бы со всякой враждебностью...» [7]. Казалось бы, здесь уместно вслед за Пушкиным исполнить: «Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!» [1, с. 308].

*Итак, — хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может... полное Чумы*
[1, с. 309].

Завораживающее дыхание розы и есть то заблуждение, которое в конечном счете, как у Пушкина, и оборачивается чумой. Пиршество толпы несет в себе трагическую обреченность. Сама толпа об этом не ведает до той поры, пока не становится жертвой своего же пиршества. «Братья мои, вас постигла беда, и вы ее заслужили...» — слышится в проповеди отца Панлю из романа А. Камю [6].

«Дневник чумного года» Д. Дефо, по мнению Вольтера, является одновременно романом и историей. Такое совмещение двух разнородных жанров оправдано необычайно сильной экспрессией воссоздания хроники трагических событий, постигших Лондон в 1665 году. Близкие к документальности обобщения создают атмосферу реально происходящего. На небе появляются две кометы и ангел с огненным мечом — предвестники надвигающейся трагедии. Разворачивается картина некой предельности выпавшей на людей катастрофы и непредсказуемости воздаяния — приговаривающего или исцеляющего. Стерты индивидуальные особенности и различия, иерархические отношения. Население города чьей-то неумолимой волей обречено на

жертвоприношение. Люди существуют между бытием и небытием (почти по возведенному в абсолют бытию-к-смерти Хайдеггера [8]). Сгустившаяся атмосфера города, непредсказуемость воздаяния, приговаривающего или исцеляющего, напоминает триптих И. Босха «Страшный суд» с изображениями рая, суда и ада.

Эпиграфом к «Чуме» Камю предпослал строки из «Дневника чумного года» Дефо. «Если позволительно изобразить тюремное заключение через другое тюремное заключение, то позволительно также изобразить любой действительно существующий в реальности предмет через нечто вообще несуществующее» [6].

Допустимое истолкование эпиграфа предполагает невозможность доподлинного изображения невыразимого, неопишущего происхождения — экзистенциального абсурдизма чумной пандемии. О невыразимом приходится молчать, и это разумно, иначе не избежать искажений... Но это максима, о чем обстоятельно изложено в тезисе о молчании Л. Витгенштейна [9]. В литературе молчание выражено в слове, поэтому и возможна философская притча Камю о чуме.

«Любопытные события, послужившие сюжетом этой хроники, произошли в Оране в 194... году» [6]. Нагрянувшее на жителей жестокое заболевание, скорее всего, намек, реакция на оккупировавшую Францию коричневую чуму фашизма.

Город закрыт на въезд и выезд. Люди охвачены чувством «заброшенности» в среду, помеченную черной меткой микроба. В отличие от стертости людских различий в «Дневнике чумного года» здесь трагедия «разыгрывается» в лицах, характерах, переживаниях разных персонажей. Высказываемые ими чувства, размышления и тревога передают весь спектр человеческих реакций на страшные проявления бубонной чумы. «Ежели чума ныне коснулась вас, значит, пришло время задуматься» [6]. Испытываемое каждым чувство страха побуждало потребность к единению с другими. «Единственный способ объединить людей — это наслать на них чуму», — говорит один из персонажей романа Коттар [6]. Но вот чума выдыхается, и ликующая толпа высыпает на ули-

цы. Всеобщее пированье с неизбежностью повторяется.

Представляется не бесспорным суждение В. Ерофеева о «Чуме» как об оптимистической трагедии. Никакой победы над чумой не было одержано. Вдоволь насытившись человечиною, она ушла сама. А ликование в городе — по случаю избавления от эпидемии страха. Но предостерегающе звучит фраза Камю о том, что «в необозримой житнице вселенной неумолимый бич будет до той поры молотить зерно человеческое, пока не отделит его от плевел» [6]. Но, как свидетельствует история, это маловероятно. Оттого и хрупок так этот мир.

В кодексе экзистенциалистской этики исключается какая-либо предопределенность смысла жизни. Такую мировоззренческую позицию А. Камю разделяет с идейно близкими ему философами: С. Кьеркегором, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартром, М. Хайдеггером. Отсюда и «абсурд существования» — тема, которая проходит, пожалуй, через все его творчество.

В пьесе «Осадное положение» чума — это метафора абсурдной власти [10]. В испанском городе Кадисе вместе с чумой приходят хаос и беспорядок, что становится «системной организацией». Все вязнет в бюрократии, бессмысленных бумагах, постановлениях. Одно из них обязывает раздельное проживание мужчин и женщин, другие выдвигают не менее парадоксальные требования. В повести «Посторонний» главный герой Мерсо от солнечного удара или помутненного сознания беспричинно убивает араба и не испытывает никакого нравственного угрызания [11]. В «Мифе о Сизифе. Эссе об абсурде» жизнь общества уподобляется судьбе Сизифа, заполненной бессмысленностью и абсурдом. Сизиф смирился с бесплодностью своего бытия и не испытывает ни малейшей ущербности [12]. В философско-исследовательском эссе «Бунтующий человек» бунт — это естественная реакция на абсурдность бытия [13]. Достоинство человека видится Камю в борьбе с хаосом и бессмысленностью в обществе. Бунт возможен через революцию и творчество. Сам автор предпочел второе, вместе с тем он признает бессмысленность бунтующего человека. Оздоровлению умонастроения препятствует гордыня, политическая спесь, самовозвеличивание национальных ин-

тересов, потребительский ажиотаж. Поиск врагов внешних и внутренних, охота на ведьм, осуждение «виновных» создает лишь видимость исцеления.

Французский философ и публицист Р. Жирар в своем эссе «Чума в литературе и мифах» исследует распространенный случай социальных пандемий на основе разработанной им «теории миметических желаний» [14]. Наши желания часто являются следствием подражания желаниям других. Это весьма заразительное заболевание. Его осложнения вызваны недоступностью объекта желания всем в равной степени. В результате растет недовольство внутри людской массы, притом что объект желания может быть уже забыт. Тогда начинается поиск виновника недовольства, но не в своей раздражающей среде, а за ее пределами. И он находится — «козел отпущения», знакомый еще по древним мифам.

Общественные катаклизмы во многом схожи с инфекционными эпидемиями. Р. Жирар отсылает к метафоре из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского [15]. Раскольникову приснился сон, в котором некие «трихины» — инфекция духовного происхождения — всюду поражают людей, что приводит их к сумасшествию. Рушатся традиционные представления и ценности, наступают буйство и погромы. Все это проходит вместе с пробуждением от сна. Раскольников испытывает чувство очищения, освобождения от комплекса оскорбленности, униженности и тщеславия.

С уходом чумы наступает просветление. Только оно не несет с собой катарсиса. Просветление испытывает и узник, обретший свободу, оно знакомо прошедшим войну, испытавшим геноцид, стихийные бедствия... Будь это художественным вымыслом, возможно, посчитали бы оптимистической трагедией. Изгнание Эдипа из Фив потому стало ритуалом жертвоприношения, принесшим исцеление, катарсис, что было плодом вымысла Сократа. Здесь просветление — это *противочувствие*, усиливающее трагизм произошедшего.

Понятие это подсказано в данном случае Л.С. Выготским [16]. В процессе анализа произведений искусства он обнаруживает в их художественной ткани свойства, способные вызывать противоположно направленные чувства.

Это убедительно им показано на примере басен Ж. де Лафонтена и рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание», о чем свидетельствует уже само его название [16].

Жизнь в обществе полна противочувствий. Они могут быть трагичны, драматичны, комичны. Дон Кихот — рыцарствующий воин, готовый на подвиги, вместе с тем он наивен, смешон, трагикомичен. Гамлет клянется отомстить Клавдию, но У. Шекспир создает психологическую «запруду», оттягивая тем самым отсрочку до самого финала трагедии. В рассказе А.П. Чехова «Дипломат» полковник Аристарх Иванович приходит к титулярному советнику Михаилу Петровичу, чтобы, сочувствуя ему, деликатно подготовить к известию о смерти жены, но затянувшаяся чрезмерная тактичность загоняет несчастного в отчаяние, истерику и транс [17]. Трагикомичны все фильмы Ч. Чаплина.

В «Носороге» Э. Ионеско люди боятся превратиться в носорогов, но в конечном счете готовы влиться в их ряды. В «Кроliках и удавах» Ф. Искандера кролики разгадали тайну гипноза, но все же шли в удушающие объятья удавов. Совершенно очевидно противочувствие самоизоляции и желание выйти из нее. «...Именно суровость заточения доводила людей до отчаяния, заставляла стремиться выбраться из своих домов любой ценой...» [7]. Феномен противочувствия в обществе — это ответное чувство, антитеза, естественная реакция на абсурд, заблуждения, несправедливость и насилие. Реакция эта может проявиться в бунте, не всегда мирно заканчивающемся.

В пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» два главных персонажа пребывают в бесконечном ожидании некоего всемогущего существа — Годо [18]. Встреча с ним, как они надеются, внесет смысл в их бессмысленное бытие. Однако приходит мальчик и говорит, что Годо не придет, но в другой раз он непременно будет. В отчаянии они готовы повеситься, но тем не менее снова ждут встречи с Годо. Так все и повторяется, до самого финала пьесы Годо не приходит. Э. Ионеско в поисках смысла пишет: «Мне кажется, что слово “абсурд” слишком сильно: невозможно назвать чтобы то ни было абсурдным, если нет четкого представления о том, что не аб-

сурдно, если не знаешь смысла того, что абсурдом не является» [19, с. 192].

Вслед за крылатыми словами Шекспира «весь мир театр, и люди в нем актеры» сегодня приходится признать, что мы оказались в театре абсурда и марионеток. Драматургия Э. Ионеско и С. Беккета возродилась в театре нашей повседневной жизни. И нет никакой надежды на долгожданный приход Годо. «Ежели чума ныне коснулась вас, значит, пришло время задуматься» [6]. Чем кивать на летучих мышей, пора человечеству обернуться на себя.

Адекватным ответом на вызовы современности представляется эпоха постмодернизма, вполне релевантная сложившейся картине мира. Постмодернизм как новая социально-культурная парадигма историчен и закономерен. Он отказывается от классической системы ценностей, расщепляет и произвольно фрагментирует мир. Зеркало искусства завертелось во все стороны, создавая калейдоскопические картины. Постмодернизм с его философией деконструктивизма отрицает структурную целостность форм, в нем утрачиваются временные и логические скрепы, подчеркивается гетерогенность человеческого бытия, отдается предпочтение мозаичности и плюрализму. Концептуалисты выбирают энтропию, абсурд, хаос.

Манипулируя концепциями и цитатами, постмодернизм преуспел как коллективный социальный пересмешник, почти все у него пронизано иронией, двусмысленностью, игрой. Несмотря на свой скептицизм, постмодернизм не удручает, как думают многие. Прячась, подобно театру абсурда, под маской абсурдизма, он приглашает поучаствовать в своих играх, отвлекая от однообразия будней и серьезности жизненных проблем. Он смешлив и печален, подобно юродствующему шуту, которому все позволено. У него «амбивалентный смех» (С. Аверинцев) [20]. Смех и ирония, как писал М. Бахтин, — это экзистенциальное сопротивление страху, «трезвая насмешливость», которая спасает от страха [21].

Философская пьеса Е. Водолазкина «Сестра четырех», написанная в период пандемии COVID-19, заканчивается, когда в инфекционной больнице им. А. Камю ее герои обсуждают эпидемию и политику. А в это время за сте-

нами больницы слышится стук топора. «Подойми: то ли новое отделение строят, то ли гробы заколачивают. Нездоровая какая-то атмосфера...» [22, с. 49–50].

Чего же ожидать, когда остановится стук топора? Многие задаются вопросом — изменятся ли мир и люди, забывая, очевидно, что все это было, было и неизбежны повторения.

И все-таки, примечательно, что изменения различной степени значимости в ближайшее время, видимо, произойдут:

- ♦ вероятнее всего, усилится тенденция к сужению пространства живого общения по причине его замещения средствами технико-коммуникационного дистанцирования, онлайн;

- ♦ станет еще более усеченной сфера чувственно-эмоциональных отношений;

- ♦ ускоренными темпами будет расширяться пространство виртуального мира и множиться в нем число симулякров;

- ♦ эксперименты в геномной инженерии и развитие робототехники увеличат риски жизнедеятельности человека, участвуют стихийные бедствия и возрастет роль экологического движения;

- ♦ в «молчаливом большинстве» усилится брожение, а «прилежное» отношение к власти убавится;

- ♦ временно приостановятся глобализационные процессы и усмирится радикальный либерализм;

- ♦ появится страх перед регрессией, беспрецедентной со времен Великой депрессии;

- ♦ эпоха постмодернизма продлится за горизонт видимого.

Самая страшная из возможных пандемий — это реальность тотального внедрения онлайн-образования. Здесь и искушение, и заблуждение, и жертвоприношение. В первом случае — это экономическая выгода, «обывление» и одомашнивание процесса обучения, во втором — усечение пространства и полноты жизни, сужение живого общения. В результате объектом жертвоприношения становится поколение молодых.

Прогноз, естественно, не оптимистичный. Примечательно, что, несмотря на случившуюся пандемию COVID-19, схождение Благодатного огня в Иерусалиме все-таки состоялось. Так что с уверенностью только можно сказать,

что оно будет нескончаемо длиться, намекая на возможное в будущем просветление.

Список источников

1. Пушкин А.С. Пир во время чумы // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. Евгений Онегин. Драматические произведения. Москва : Художественная литература. 1980. С. 304–312.
2. Пайкова Л. Андрей Битов. Благодать безвременья [Электронный ресурс] // Искусство кино. 2001. № 5. С. 73–81. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2001/05/n5-article18> (дата обращения: 04.10.2020).
3. Ионеско И. Носорог: пьесы и рассказы / пер. с фр. Л. Завьяловой. Москва : Текст, 1991. 268 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib-drama.parod.ru/ionesco/nosorog.html> (дата обращения: 12.07.2020).
4. Брехт Б. Бараний марш / пер. А. Штейнберга [Электронный ресурс] // Стихи.РУ : [портал самопубликации]. [Электронный ресурс]. URL: <http://stihi.ru/diary/vyuga62/2015-08-21> (дата обращения: 12.07.20).
5. Искандер Ф. Кролики и удавы : проза последних лет / [вступ. ст. Н. Ивановой]. Москва : Книжная палата, 1988. 285 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=12620> (дата обращения: 12.07.2020).
6. Камю А. Чума / пер. Н. Жарковой. Москва : АСТ, 2010. 368 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/003/220/003.htm> (дата обращения: 12.07.2020).
7. Дефо Д. Дневник чумного года: роман / [пер. с англ. К.Н. Атаровой]. Москва : АСТ : Люкс, 2005. 317 с. [Электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/a_journal_of_the_plague_year/vol1/1 (дата обращения: 12.07.2020).
8. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. [с нем. и примеч.] В.В. Биbihина. Москва : Ad Marginem, 1997. 451 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901> (дата обращения: 04.10.2020).
9. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с англ. Москва : Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
10. Камю А. Осадное положение / пер. И. Кузнецова [Электронный ресурс] // RuLit : Электронная библиотека. URL: <https://www.rulit.me/books/osadnoe-polozhenie-read-418660-1.html> (дата обращения: 04.10.2020).
11. Камю А. Посторонний [Электронный ресурс] // Booksonline.com.ua : [Электронная библиотека]. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=35503> (дата обращения: 04.10.2020).
12. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде [Электронный ресурс] // ЛитМир : Электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=58360> (дата обращения: 04.10.2020).
13. Камю А. Бунтующий человек [Электронный ресурс] // Booksonline.com.ua : [Электронная библиотека]. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=22809> (дата обращения: 04.10.2020).
14. Жирар Р. Чума в литературе и мифах / пер. Р. Шевчук [Электронный ресурс] // Батенька, да вы трансформер : [портал самиздата]. URL: <https://batenka.ru/aesthetics/reading/girard/> (дата обращения: 12.07.2020).
15. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание [Электронный ресурс] // Читать книги онлайн : [Электронная библиотека]. URL: https://www.bookol.ru/proza-main/russkaya_klassicheskaya_proza/72595/fulltext.htm (дата обращения: 04.10.2020).
16. Выготский Л.С. Психология искусства / общ. ред. Вяч. Иванова ; [предисл. А.Н. Леонтьева] ; коммент. Л.С. Выготского, Вяч.Вс. Иванова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Искусство, 1968. 576 с.
17. Чехов А.П. Дипломат // Собрание сочинений в 12 т. Москва : Худож. лит. Т. 3. С. 73–77.
18. Беккет С. В ожидании Годо : пьесы ; пер. с французского. Москва : Текст, 2009. 284 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=2865> (дата обращения: 04.10.2020).
19. Ионеско Э. Если будущее у театра абсурда? // Театр абсурда : сборник статей. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. С. 191–195.
20. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. Москва : Наука, 1992. С. 7–19.
21. М.М. Бахтин как философ. Москва : Наука, 1992. 256 с.
22. Водолазкин Е. Сестра четырех. Москва : АСТ, 2020. 50 с.

Philosophical and Aesthetic Reflection on the Pandemic Phenomenon

Arnold A. Oganov

M.V. Lomonosov Moscow State University, 27, Building 4, Lomonosovsky Av., Moscow, 119991, Russia

Mikhail Shchepkin Higher Theatre School, 6, Neglinnaya Str., Moscow, 109012, Russia

ORCID 0000-0002-6385-2222; SPIN 3685-3796

E-mail: ikh2006@yandex.ru

Abstract. *The article's problematics is examined in the socio-cultural context. The pandemic phenomenon is considered as a metaphor derived from a pandemic of infectious diseases. The latter is nothing more than a model projected on various social evils. It is in this capacity (not in the viral-infectious one) the pandemic is used in the article. The article broadly interprets the concept of a pandemic as a universal type of general massification of a threatening nature. It is accompanied by fear, aggression, ideological delusions, economic and demographic catastrophes.*

Like the biomedical pandemic, its associative counterparts have been repeated with unpredictable regularity in human history. Even today, we can assume that the unforeseen consequences of information and communication technologies in the digital age bear the signs of impending pandemics. In the article, the infectious disease pandemic serves as a matrix model for characterizing an invariant version of other heterogeneous pandemics. The author builds his theoretical judgments on the material of well-known philosophical and cultural sources (L. Wittgenstein, M. Heidegger, M. Bakhtin, L. Vygotsky, S. Averintsev, R. Girard et al.), as well as on the history of art, its species and genre varieties.

Particular attention is paid to the works of art whose authors intentionally give them an ambivalent meaning. A significant role is given to the subtext of the material presented, the importance of which is determined by the goal to realize the main semantic intent of the article. There is an attempt to substantiate the relevance of postmodernism culture to the modern picture of the world, to the highly ambivalent civilizational changes. The arti-

cle uses the material of extensive artistic practice to trace the manifestations of postmodernism as both a symptom and a mocker of the absurdism of human existence. The final part of the article prognosticates a number of possible post-pandemic changes in various areas of public life.

Key words: culture, knowledge, reflection, artistic culture, pandemic, microbe, allusions, absurdity, delusion, sacrifice, catharsis, art, postmodernism.

Citation: Oganov A.A. Philosophical and Aesthetic Reflection on the Pandemic Phenomenon, *Observatory of Culture*, 2020, vol. 17, no. 5, pp. 452–461. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-5-452-461.

Acknowledgements.

This article is based on the online lecture “Philosophical and Aesthetic Reflection on the Pandemic Phenomenon” delivered on July 26, 2020, as part of the large-scale Internet project “Philosophy of a Fragile World” of the Philosophical Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University (March – September 2020) (<https://www.youtube.com/watch?v=WuO6zy0Y-cEU&t=3782s>).

References

1. Pushkin A.S. A Feast in Time of Plague, *Izbrannye sochineniya: v 2 t. T. 1. Evgenii Onegin. Dramaticheskie proizvedeniya* [Selected Works: in 2 volumes. Volume 1. Eugene Onegin. Dramatic Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1980, pp. 304–312 (in Russ.).
2. Paikova L. Andrey Bitov. The Grace of Timelessness, *Iskusstvo kino* [Film Art], 2001, no. 5, pp. 73–81. Available at: <https://old.kinoart.ru/archive/2001/05/n5-article18> (accessed 04.10.2020) (in Russ.).
3. Ionesco E. *Nosorog: p'esy i rasskazy* [Rhinoceros: plays and stories]. Moscow, Tekst Publ., 1991, 268 p. Available at: <http://lib-drama.narod.ru/ionesco/nosorog.html> (accessed 12.07.2020).
4. Brecht B. Sheep March, *Stikhi.RU*. Available at: <http://stihi.ru/diary/vyuga62/2015-08-21> (accessed 12.07.2020) (in Russ.).
5. Iskander F. *Kroliki i udavy: proza poslednikh let* [Rabbits and Boa Constrictors: The Prose of Re-

- cent Years]. Moscow, Knizhnaya Palata Publ., 1988, 285 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=12620> (accessed 12.07.2020).
6. Camus A. *Chuma* [The Plague]. Moscow, AST Publ., 2010, 368 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/003/220/003.htm> (accessed 12.07.2020).
7. Defoe D. *A Journal of the Plague Year: novel*. Moscow, AST Publ., Lyuks Publ., 2005, 317 p. Available at: https://librebook.me/a_journal_of_the_plague_year/vol1/1 (accessed 12.07.2020) (in Russ.).
8. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997, 451 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=95901> (accessed 04.10.2020).
9. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, part 1, 612 p.
10. Camus A. The State of Siege, *RuLit: Electronic Library*. Available at: <https://www.rulit.me/books/osadnoe-polozenie-read-418660-1.html> (accessed 04.10.2020) (in Russ.).
11. Camus A. The Stranger, *Booksonline.com.ua*. Available at: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=35503> (accessed 04.10.2020) (in Russ.).
12. Camus A. The Myth of Sisyphus. An Essay on the Absurd, *LitMir: Electronic Library*. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=58360> (accessed 04.10.2020) (in Russ.).
13. Camus A. The Rebel, *Booksonline.com.ua*. Available at: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=22809> (accessed 04.10.2020) (in Russ.).
14. Girard R. The Plague in Literature and Myth, *Baten'ka, da vy transformer* [Old Chap, You Are a Transformer]. Available at: <https://batenka.ru/aesthetics/reading/girard/> (accessed 12.07.2020) (in Russ.).
15. Dostoevsky F.M. Crime and Punishment, *Chitat' knigi onlain* [Read Books Online]. Available at: https://www.bookol.ru/proza-main/russkaya_klassicheskaya_proza/72595/fulltext.htm (accessed 04.10.2020) (in Russ.).
16. Vygotsky L.S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, 576 p.
17. Chekhov A.P. Diplomat, *Sobranie sochinenii v 12 t.* [Collected Works in 12 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., vol. 3, pp. 73–77 (in Russ.).
18. Beckett S. *V ozhidanii Godo: p'esy* [Waiting for Godot: plays]. Moscow, Tekst Publ., 2009, 284 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=2865> (accessed 04.10.2020).
19. Ionesco E. Is There a Future for the Theater of the Absurd? *Teatr absurda: sbornik statei* [The Theater of the Absurd: collected articles]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, pp. 191–195 (in Russ.).
20. Averintsev S.S. Bakhtin, the Laughter, the Christian Culture, *M.M. Bakhtin kak filosof* [M.M. Bakhtin as a Philosopher]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 7–19 (in Russ.).
21. *M.M. Bakhtin kak filosof* [M.M. Bakhtin as a Philosopher]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 256 p.
22. Vodolazkin E. *Sestra chetyrekh* [A Sister of Four]. Moscow, AST Publ., 2020, 50 p.